

ПРОТИВ ЛЕВЫХ.

«Je me manque deux batteries pour balayer toute cette canaille-lá».

Napoléon Bonaparte.

«Es gibt keine Kritik des Seins, weil dies den Grund zur Annahme gegeben hätte, daß wir eine feste Position außerhalb des Seins einnehmen, von der aus wir es beurteilen können».

Alfred Bäumler.

Либерализм и вообще большинство левых, говоря о равенстве всех перед законом при неотъемлемых Правах Человека, обречены постоянно подменять понятие равенства перед возможностью применения силы (на чём зиждется вся ньютонова физика, каковая есть единственная физика мира, соразмерного человеку) понятием равенства сил участников общественного процесса. Ведь неотъемлемость чего-либо может быть обеспечена лишь отсутствием преимущества в силе, необходимом для отъёма. Однако, верхним пределом такого равенства является остановка движения по причине уравнения целого и его частей в возможности действия, а это значит, что идеал неотъемлемых прав требует невозможного на деле основания — именно абсолютного единства (недробимости) вещества.

В самом деле, огромное большинство вещей и даже состояния одной и той же вещи в течении её существования отнюдь не

равны меж собой в количественном отношении, хоть все они и обладают энергией вообще и массой вообще в силу самого факта своего существования. И эти-то количественные показатели вещества всегда могут быть снижены посредством насильственного отчуждения части его субстрата. Говорить же о равенстве едва сопоставимых величин (количеств) глупо; потому в большинстве видов спорта присутствует разделение не только по весовым категориям участников состязаний, но и по их половой принадлежности. Неотчуждаемых же качественных состояний хватает лишь на то, чтоб выжить, но никак не на то, чтоб жить удобно, т. е. неизменно «на широкую ногу». Последнее можно уяснить из того, что все мы приходим в этот мир совершенно голыми, а уходим из него совершенно одинокими и нажитое добро не впрок умирающему. В подобных обстоятельствах, при всех своих возможностях, медицина, в большинстве случаев, способна лишь продлить страдания такого пациента, но никак не вернуть его к полноценной жизни, точнее, к состоянию здоровья, предшествовавшему болезни. «Всякий, кто в небесах и на земле, приходит к Милосердному [Аллаху] только как раб. Он перечислил их и сосчитал. И все они придут к Нему (...) поодиночке.» — сказано в Коране [сурра 19, аяты 93-95]. И сколько нищих в «развивающихся» странах, столько же одиноких в странах «золотого миллиарда», поскольку, здесь, по-Гераклиту, едина мера разгорающимся и угасающим. Ведь та волна суицидальных настроений, наркомании, позднеримского разврата, всевозможных фобий и хандры, что в последние шестьдесят лет накрыла богатейшие страны западной Европа, которые первыми, благодаря протестантизму, встали на путь тотального капитализма и покончили с сельской общиной —

волна эта может накрыть лишь общество, состоящее из глубоко одиноких людей оставшихся без положительных онтологических взглядов. А менее всего на планете вышперечисленные недуги затронули, если не ошибаюсь, нищий африканский скотоводческий народ масаев, живущий родоплеменным строем. Масаи, до сих пор в подавляющем большинстве своём, железно убеждены, что для счастья необходимо лишь соблюдать завет богов, которые повелели именно им, масаям, пасти скот так, как пасли его все их предки, без затей и ухищрений цивилизации. Отсюда следует неутешительное заключение: если вы утратили веру в каких бы то ни было богов, а людьми чистого разума, вроде К. Циолковского, так и не стали — это при наличии-то свободного времени для повышения эрудиции! — вы обречены на распад, ибо стали, по большому счёту, не нужны никому, начиная с вас же самих.

Основным мотивом деятельности подлинного учёного всегда выступает возведённое в степень азартной страсти, любопытство к явлениям окружающего мира, а отнюдь не вера в необратимость и безграничные возможности технического и общественного прогресса, как ошибочно полагают многие. Вера в прогресс не присуща умам пессимистичным и скептическим, тогда как любопытство — удел всякого рационалиста. Но, так как основной предмет научного любопытства составляют явления, за коими по умолчанию всегда подразумевается объективная реальность, а не игра воображения, то сама познавательная деятельность, им обусловленная, волей-неволей воспитывает в человеке уважение к порядку вещей в природе и в жизни, словом, уважение к бытию, чего никак не скажешь о деятельности конторского клерка и финансового рантье, основным принципом

которой является любимый афоризм советской бюрократии брежневских времён: «бумага всё стерпит». А ведь именно таким клерком и стал в большинстве своём современный белый человек, коренной обитатель стран «золотого миллиарда».

Скорее всего, самая мысль о всеобщем равенстве есть побочный продукт разума, который всегда норовит загнать любое представление и, шире, любой опыт в прокрустово ложе собственного восприятия. Но интенсивность восприятия у многих серьёзно рознится, тогда как подводить многообразное содержание опыта под единство восприятия вынуждены решительно все. Здаётся мне, что и идея непрерывного (линейного) прогресса обоснована тем же самообманом восприятия. Ведь долгосрочная память в процессе ретроспекции чаще всего подсовывает нам информацию о положительных для нас событиях, а об отрицательных либо вовсе забывает, либо засовывает их в глубь подсознания. «Всё мгновенно, / Всё пройдёт. / Чтò пройдёт, / То станет мило».

«Самый умный из дураков — ещё не мудрец». Но выбирая в парламент депутата, как правило, выбирают из числа пройдошных дураков, стараясь при этом понять, кто из кандидатов самый умный; мудрец же вообще не выставляет свою кандидатуру. И так со всяким выбором, ведь если в явленном мире и существуют вещи без какого-либо изъяна, то их всегда отчаянно недостаёт. Таким образом, возможно, что почти во всех обстоятельствах присутствует доля свободы выбора — иначе для чего нужен рассудок, как ни для «прощёлкивания» вариантов последствий того или иного решения? Однако, доля эта сводится к возможности выбирать, что именно увязнет в скором будущем

— хвост или нос, при очевидном отсутствии свободы не увязать вообще. Вывод: в явленном мире нет высшей свободы именно по причине отсутствия здесь совершенства. В силу этого, глубинного, несовершенства мира, в нём всегда будет достаточно трусов для поддержки тиранов и легковёрных придурков, восприятие коих всегда готово выдать желаемое за действительное, для поддержки благосостояния разнообразных мошенников. Ибо того требует самый принцип власти. Ведь экспансия, агрессия и покорность, невольное стремление вообразить мечту уже осуществившейся и своекорыстное использование такого стремления — всё суть различные стороны понятия Власть, т. е. сообщающихся меж собой силы и безсилia, что всегда обречены на тщетный поиск совершенства. «Пока не прекратит Земля / Вокруг своей оси вращаться, / Всегда рискуешь оказаться / Иль со щитом, иль на щите!».

Так называемый «Суд Линча» был в употреблении отнюдь не у слабаков.

Ибо слабый, по трусости своей, никогда не решится самолично отправлять правосудие, резонно опасаясь возмездия если ни самого преступника, то его подельников и родственников. Засилие же трусов, даже при наличии веками отлаженной системы правосудия, со временем — вода камень точит! — превращает эту систему в балаган продажных клоунов-чиновников. Не даром Варлам Шаламов пишет, с редкой даже у него степенью обобщения: «В лагере я узнал, что мир надо делить не на хороших и плохих людей, а на трусов и не трусов. 95% трусов при слабой угрозе способны на всякие подлости, смертельные подлости».

К приведённому лагерному опыту В. Шаламова надобно присовокупить военный опыт Игоря Михайловича Дьяконова, изложенный в его «Киркинесской этике»:

«Человек не потому праведен, что он ожидает награды, а он потому праведен, что праведен. То, что некоторые индивиды должны быть праведными, заложено в природе человека, иначе человечество само себя уничтожит. Прирождённая сила, делающая человека праведным, может быть названа совестью. (...) Чтобы человечество выжило, не необходимо, чтобы все люди были праведными; достаточно, чтобы некоторые люди были праведными. Но доля совести сокрыта [почти] в каждом человеке, добром и злом».

А если интенсивность угрызения совести в своей основе есть величина постоянная, врождённая, то наверняка и интенсивность главного противника совести — страха, также является в основе врождённой константой. Воспитание, сельский или городской образы жизни и прочие сугубо социальные факторы могут лишь развить или снизить эти задатки, обусловленные волей, как объективной подоплёкою восприятия, но породить не в силах.

Жизнь любого сообщества, от единичной семьи до всего человеческого рода, продолжается до тех пор, пока праведники в силах понуждать трусов и негодяев к праведности, диктуя им свою волю и осуществляя таким образом справедливость.

«Воля» и «быть в силах» здесь — одно и то же, ибо праведники не в состоянии не подчиняться требованиям совести, а трусы не могут не подчиняться давлению внешней силы. Такая воля и есть Воля к Власти, коль скоро её выполнением (гегелево *Vörrwirklichkeit*) выступает справедливость. Ведь если определить, как это делают кибернетики, что живое, в отличии от неживого,

характеризуется долгосрочной предсказуемостью своих действий, диктуемых внутренней целесообразностью, то согласно такому определению, именно праведность продлевает жизнь рода как единого организма, ибо, по кантовой формулировке, совесть предписывает всякому поступать так, чтобы максима этого поступка могла стать законом для всего человеческого рода.

Впрочем, род человеческий в целом пока что являет собою довольно аморфное образование. Подобно тому, как ртуть сама по себе никак не хочет держать приданную извне форму, так и человечество в целом никак не решит отлиться в форму планетарного государства с общим для всех народов писанным законом в качестве общепризнанного единообразного способа выполнения справедливости для каждого вида поступка. И, поскольку невозможно даже приблизительно назвать срок создания в будущем всемирного государства, мы можем более или менее уверенно говорить лишь о единстве национальном.

Итак, чем ещё, в смысле отправления правосудия, как ни засильем трусов и слабаков может быть деградация гражданского общества, раз смысл, т. е. высшая цель, всякого правосудия — справедливость?

И тут становится ясно, насколько прав был Готлиб Лейбниц, называвший справедливость упорядочением отношений между умами. Ведь отношения эти есть прежде всего отношения подчинения.

В эпиграфе к одному роману о причинах терроризма сказано: «Отсутствие справедливости может породить антимиессию в каждом из нас». То есть бесовщина начинается там, где отношения подчинения становятся безпросветными, затемнёнными, т. е. когда между умами участниками отношения

исчезает люфт, что обеспечивает членораздельность целого, а значит, в конечном счёте, обеспечивает и бытие целого, как сложной системы сдержек и противовесов. Из-за неуважения к так понятому бытию, целое сущностно упрощается, деградирует. Говорю «бесовщина», ибо через этот люфт свет высших умов, их попечительство, их милость, достигает самых ничтожных членов целого, а там, где нет высшего света попечительства, там обитают бесы — кванты хаоса.

Трудно сказать о попечительстве лучше, чем это сделал Плотин: «Коль скоро в этом мире есть высшее, то, значит, должно быть и низшее; для поддержания разнообразия во вселенной малое должно сопутствовать большому. Поэтому, вместо того, чтобы жаловаться высшему на факт существования низшего, мы должны благодарить его за то, что и низжайшее не оставлено его попечительством. (...) Так [Ум] и творит всё безконечное многообразие своих понятий, целокупно и единовременно пребывая в каждом из них. Из него, как из единого корня, произрастает всё прочее, и каждая веточка несёт на себе его божественный след. что-то держится поближе к корню, более уподобляясь ему, что-то же, в процессе роста, всё больше удаляется, приобретая другие черты. И так до тех пор, пока не завершается всё это, так сказать, дерево, украшенное пышной листвой и многими плодами. В своём истоке всё неподвижно, далее же всё движется и изменяется, проникнутое божественными смысло-формами, каждая из которых сама стремится стать как бы малым деревцем» — [«О провидении»: 2; 7].

Ну а власть, лишившаяся милости, неминуемо становится властью бесов, становится полным нигилизмом. Так что и А. Брейвик, и «Pussy riot» суть явления одного порядка, имя которому — «нигилизм».

Из пьесы Э. Радзинского «Лунин, Или Смерть Жака»:

«К о н с т а н т и н П а в л о в и ч. У тебя, Лунин, был взгляд... Тебе неприятно было смотреть в глаза. Однажды я погорячился и чуть было не ударил тебя. Но даже если бы ударил — что с того: ударил, а через час — орден в петлицу. Всех бьют! В империи, когда муж или начальник бьёт, — это ласка... обещание милости... знак доверия, воспоминание о корнях... о наших мудрых народных обычаях.

Л у н и н (глухо). Но не ударили!

К о н с т а н т и н П а в л о в и ч. Я встретил твой взгляд и понял: «этот зарежет».

Вот так. Честь (die Selbstachtung) была для Лунина той высшей ценностью, ради которой стоило проливать кровь свою и чужую... И девки-охальницы никогда не решились бы устраивать свой шабаш в мечети, ибо о молящихся там по преимуществу можно сказать: в случае оскорбления их святынь, «эти зарежут». Чего не скажешь, однако, о нынешних христианах основных направлений и о нынешних левых.

Но ведь и Брейвик убивает на острове Утойя отнюдь не мусульман, а социалистов, хоть и уверяет упорно, что борется против нашествия мусульман в Европу...

Да существуй тут хотя бы 15%-я вероятность гибели или хотя бы крепкой взбучки для самих исполнителей, они бы никогда не решились сотворить то, что сотворили!

Об идеологии, адепты которой не находят в себе воли ради

долженствующего пожертвовать наличным, т. е. ради трансцендентного пожертвовать имманентным, можно сказать лишь, что она безнадежно протухла. Неспособный к жертве не может быть хорошим попечителем, но лишь лицемером. И действительно, может ли современный городской человек в серьёз верить, как того требует ортодоксия, в миф о сотворении мира из полного ничто а, тем паче, в сотворение женщины из ребра мужчины? А в построение полностью безклассового общества по Марксу? Невозможно! Вот то-то же...

И правительство явило миру всё своё лицемерие, когда приняв закон о запрете ношения масок участниками политических митингов и других протестных мероприятий, привечало насмешников в жутковатого вида свиных масках («харях», по-русски), глумящихся над продавцами протухшего продовольствия, а насмешниц в цветных спецназовских масках, что глумились над продавцами протухшей идеологии, уконтропупило на два года в зону. При этом правительство весьма усердно уверяло публику, будто действие закона в стране одинаково для всех. Оно, вероятно, не стало бы столь нагло лицемерить, если б, подобно продовольствию, эту идеологию возможно было заменить новой, но так как воспитание и просвещение подданных на основе посюсторонних вещей не входит в его планы, то, как говорится, за неимением гербовой, пишут на простой. Ведь для посюстороннего воспитания и просвещения всем участникам этого процесса надобно на самом деле трудиться в поте лица, а не имитировать таковой труд. Лёгковерными невеждами, разумеется, управлять легче, чем людьми думающими и много знающими — такова уж всегдашняя патолофобная составляющая понятия Власть! Только вот делать это

с помощью прежней идеологии удаётся ныне всё меньше и меньше.

По скромному же мнению автора и тех, и других охальников следовало бы попросту выдрать, как сидорову козу, с помощью тяжёлой боксёрской скакалки. Во-первых, жутко оскаленные пороссячи хари могут серьёзно испугать малолетних посетителей продуктовых магазинов. Во-вторых, с целью предотвращения возможного «хрюш-молебна» в московской хоральной синагоге.

Так что реальным результатом стремления к идеалу равенства неотъемлемых прав всегда будет утрата власти целого над частями, т. е. распад гражданского общества. Прибавьте к этому то обстоятельство, что максимальным патофобным действием является «bellum omnim contra omnes», как причина поиска неотъемлемости прав в рамках равенства перед законом. И вместо ожидаемой вами, граждане леваки, великой гражданской гармонии вы получите великую бойню с последующим всеобщим хаосом. Или, всего вероятнее, произойдёт обрушение экологического устройства планеты на головы её, якобы разумных, насельников (иль ещё и её насильников?).

Некоторые думают, будто права можно давать без счёта и их никогда не будет слишком много. Думающие так напрочь забывают о том, что подобная щедрость может крайне отрицательно сказаться на эффективности общества в целом. Здесь достаточно припомнить екатерининский «Указ о вольности дворянства» 1762 года, приведший, в условиях задержавшегося на столетие крепостного права, к такой серьёзной деградации русского дворянства из-за повсеместного распространения я

барской лени и сибаритства, словом распространения обломовщины вглубь и в ширь, что обезволившее дворянство с треском провалило долгожданную земельную реформу Столыпина; меж тем, как эта реформа объективно была единственным средством против большевистской революции. «Кто не работает, тот не ест.» — (ап. Павел) и «Мы против удобной жизни.» — (Б. Муссолини) — вот те максимы, которые, по здравому размышлению, должны ограничивать любую раздачу прав.

Ибо, как показал опыт Р. Оуэна, А. С. Макаренко, Б. фон Шираха и других великих педагогов прошлого, только совместный и при том в меру тяжёлый труд, приучая индивида с молодых ногтей к повседной жертве ради общего дела (т. е., в пределе, ради Родины, Нации), создаёт тем самым, необходимое условие для выполнения справедливости. (Условие это обозначим, по-Веллеру, как максимальное действие, создающее максимальное ощущение общности. Только под этим условием, говоря словами фон Шираха, «переживание товарищества (...) является не только политическим, но и религиозным переживанием»). Поскольку лишь справедливость, опрозрачивая государство, делает это государство действительным орудием собираемой им национальной воли.

Из трактата А. Ф. Лосева «Жизнь»:

«Род порождает из себя индивидуума. Помимо рода нет индивидуума. Но индивидуум гибнет. Индивидуум снова возвращается на лоно жизни, его породившей. Значит, жизнь. Но так как в жизни ничего нет кроме этих индивидуумов, то порождает из себя индивидуум, и сама же жизнь и поглощает в себя индивидуум. Жизнь, стало быть, есть вечное

самопорождение и вечное самопоглощение, вечное созидание и вечное пожирание созданного. Не бессмыслица ли это? Не есть ли этот круговорот вечное обезценивание жизнью самой себя, вечное формирование самой себя, вечное и недостойное кувырканье, циркачество, клоунада?

Да, именно так рассуждал один из моих старинных приятелей, разговор с которым я выше привёл; и именно к такой бессмыслице всякий должен прийти, у которого жизнь есть только жизнь и который никуда не хочет выходить за пределы жизни. После многих лет размышлений я уже так не думал. И вот что у меня получилось. Жизнь, общая родовая жизнь порождает индивидуум. Но это значит только то, что в индивидууме нет ровно ничего, что не существовало бы в жизни рода. Жизнь индивидуумов — это и есть жизнь рода. Нельзя представлять себе дело так, что жизнь всего рода — это одно, а жизнь моя собственная — это другое. Тут одна и та же, совершенно единая и единственная жизнь. В человеке нет ничего, что было бы выше его рода. В нём-то и воплощается его род. Воля рода — сам человек, и воля отдельного человека не отлична от воли его рода. Конечно, отдельный человек может стремиться всячески обособляться от общей жизни, но это может обозначать только то, что в данном случае приходит к распадению и разложению жизнь самого рода, разлагается сама жизнь данного типа или в данное время, или в данном месте. Так или иначе, но всегда жизнь индивидуума есть не что иное, как жизнь самого рода; род — это и есть единственный фактор и агент, единственное начало, само себя утверждающее в различных индивидуумах.

Жизнь породила меня. Но ведь это значит, что сам я породил

себя. Ибо кто такое я сам? «Я сам» — это есть ведь сама жизнь, которая себя утвердила в одном каком-то виде, то есть в виде меня. Никакого «меня самого» и нет помимо самой жизни. Не я живу, но жизнь живёт во мне и, так сказать, живёт мною. В то самое мгновение, когда меня порождает кто-то другой, в то же самое мгновение начинаю и я сам утверждать своё собственное бытие. Ребёнок с момента первого зачатия в материнской утробе уже настолько же порождается другим началом, насколько порождает и сам себя. И это — один и единственный акт жизни — рождение меня кем-то другим и рождение меня мною же самим. В остальном и дальнейшем моя жизнь идёт не извне, вплоть до самой смерти. И живу я так, что это есть жизнь и моя и рода; и умираю я так, что это есть и результат жизни вообще и моей собственной. И умираю я, строго говоря, настолько же по своей воле, насколько а по воле общей жизни; и если мне не хочется умирать, то это значит, что жизни вообще не хочется умирать, что сам род, сама родовая жизнь не хочет во мне умирать. И если я всё-таки умираю, то это значит только, что общая жизнь рода должна умереть, что смерть ей так же нужна, как и сама жизнь.

Но как назвать такую личную жизнь, такую жизнь индивидуума, когда человек рождается или умирает, растёт или хиреет, здравствует или болеет, и всё это есть только стихия общеродовой жизни, когда это есть правильное, нормальное и естественное состояние мира, при котором всякая индивидуальная воля осмыслена лишь как общая воля, когда всё отдельное, изолированное, специфическое, личное, особенное утверждает себя только лишь на лоне целого, на лоне общей жизни, на лоне чего-то нужного, законного, нормально сурового и

неотвратимого, но своего, любимого, родного и родственного, на материнском лоне своей Родины? Такая жизнь индивидуума есть жертва. Родина требует жертвы. Сама жизнь Родины — это и есть вечная жертва. От самого понятия жертвы философы так же далеки, как и от понятия Родины».

А если «в индивидууме нет ровно ничего, что не существовало бы в жизни рода», то и предельной целью индивида должно быть вовсе не спасение своей души за гробом, но всемерное упрочение жизни Нации в явленном мире.

Sieg heil!

Марат Зуф. Салихов. 7. 9. 2012 г.

Наиболее ценный для автора отзыв.

Рысинов Владимир. 9 окт. в 04.26:

Здравия, Марат.

Новый Ваш труд, хотя и невелик объёмом, но весьма интересен мыслью и очень прав. Наверняка колебания, смена периодов диктатур и демократий, тоже являются жизнью, так вибрация струны из одного крайнего положения в другое и обратно создаёт звук, определённый тон... и даже музыку. С приходом периода «Путь» возникает желание взять ремня, в углу же, будучи туда поставленным навечно, томит желание выпрыгнуть и покривляться. Золотая середина, очевидно, всё же в отеческом отношении к миру — простить шалости, но не дать им разгуляться. В связи с этим, интересно определение любви, от Павла.

Марат, поздравляю и ожидаю новых трудов. За подарок спасибо.

С уважением, Владимир Рысинов...

Салихов Марат. 9 окт. в 16.09:

Спасибо за благопожелания, дорогой Владимир Алексеевич! И Вам всего того же самого! (...)

Как же возможно попечительство без любви к опекаемому? Без любви оно всегда лицемерно и притворно.

С Огромным уважением, Марат Зуф. Салихов.

* * *

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В. В. АКУНОВУ.

Любезный Вольфганг Викторович!

Хочу предложить Вам ещё несколько обширных цитат, развивающих тему символики коловрата в её богословском аспекте.

Итак Юлиус Эвола в работе «Коловрат как символ полюса» пишет:

«Говоря о солярном характере протокультуры, необходимо обратить внимание на два аспекта: идею солнечного культа, и идею солнечной власти.(...) Не смотря на гипотетичность такого утверждения, оно, безусловно, заслуживает внимания. Следует также отметить, что между солнцем и божественным огнём существует некоторая связь (акцент на которую заметен в индогерманской традиции). Культ огня в традиционном античном мире (согласно Бахофену), связывался как с ураническими и «солнечными» компонентами ритуала патрициев, так и с понятием «солнечного» и «божественного» царства самого по

себе. Ведь то, наличие чего в различных культурах отличает изначальную лидерскую расу: ирано-арийская «слава» — «хварено», (тождественная «агни-рохите», ведийскому огню как, «покоряющей королевской силе», и огненному истечению под названием «жизненная сила», «аншус», египетского царства), является именно «солнечным» огнём...

Коловрат, безусловно, можно квалифицировать, как огненный, солнечный (а значит и северный, полярный) символ. Однако следует иметь в виду, что древний человек не «обожествлял» суверенно силы природы, а, напротив, использовал их, для выражения высших смыслов. Истинная символика, очень далека от того, чтобы быть произвольной и «субъективной». Следует забыть о том, что пламя всегда представлялось всем народам божественным откровением, забыть, что у всех ариев практиковался точный священный обряд возжигания и сохранения огня, что с огнём явственно связывались как мистическая сила «героев» рода, так и «местопребывание порядка». Всё это заставляет нас ошибочно полагать, что колдоват (как символ огня) — это лишь натуралистическое отображение примитивного орудия, служившего этим народам для возжигания. Коловрат, безусловно, связан с порождающим началом Огня и Света, но не в бытовом, а в высшем — духовном, королевском — смысле. В некотором высочайшем смысле он может быть назван таинственной печатью «Пра-Света» и «Пра-Огня», которые снизошли, чтобы воплотиться и возжечься в правящих кастах, в их «солнечной» работе над силами более низкого порядка и отстающими пока (см., в частности: <http://yun.complife.info/miscell/racism.htm>) в совершенстве расами...

Коловрат не только огненный, но и полярный символ. Ведь «солнечная» функция, воплощаемая вождями в великих, укоренённых в традиции культурах, имела самое прямое отношение к функции «полюса». Вождь — это персонифицированное постоянство, неподвижная точка («вождь», от слова «водить», «король», «гех» от «regere» — направлять, править). Вокруг него происходит организованное движение сил, окружающих его, словно свита короля. Существует определённая связь между исполненной глубочайшего смысла дальневосточной поговоркой: «неизменность в середине» и словами Конфуция: «Тот, кто правит посредством добродетели (небезный, рождённый из неизменности в середине), равен Полярной Звезде. Он твёрдо стоит на своём месте, а все звёзды движутся вокруг него». Аристотелево понятие «неподвижного движителя» является теологической передачей того же самого понятия. То же можно сказать и о «господине мира» или «чакрварти» — «того, кто заставляет колесо крутиться», в то время как сам является неподвижной точкой, «полюсом», опорой для его упорядоченного движения. Недалеко от «полярного» символизма отстоит и то, что можно назвать «олимпийским превосходством». Это непреодолимая сила, спокойная мощь, способная узаконить себя через своё чистое присутствие, сила, вызывающая непосредственное и опасное переживание трансцендентного (Горного мира, который традиционно изображается огненной символикой)».

Значит, согласно Эволе, колдоврат является символом круговорота энергии здешнего, явленного мира. В центре этого круга

неподвижный Ум-Перводвижитель, в своём попечительстве понуждающий энергию принимать всё более сложные и совершенные формы, диктуемые миром эйдосов, как поп qua поп существования здешних вещей. Для социума это попечительство проявляется в стремлении власти к справедливости, т. е. к такому распределению благ, которое объективно устраивает большинство членов данного социума (подробнее по теме справедливости смотри М. Хайдеггер. «Слова Ницше «Бог мёртв»»). Власть утратившая такое стремление, обречена на уничтожение. Воля к Власти, таким образом, укоренена в попечительстве, ибо только находясь в центре мира, она в силах структурировать вещи этого мира.

Вселенная есть живой организм. Ведь только живое, преизобилуя энергией, может стремиться к более сложному состоянию, которого ещё нет в наличном бытии, в явлении.

Так что жизнь здешняя, будучи отцентрована попечительствующей Волей к Власти, тем самым уже укоренена в мире Горнем, в Жизни Вечной, как неотъемлемой предпосылке своего существования.

Посему, положив руку на сердце, должно сделать вывод, что лишь коловрат может с полным правом быть символом философии энерговитализма Михаила Иосифовича Веллера. Ибо эта философфия является законным завершением всей новейшей европейской философии воли и равно, всего гегельянства.

Вот как резюмирует в своей работе «Большой Хлопок. Михаил Веллер и Максимальное Действие, к которому стремится человечество» систему Веллера современный российский литературный критик Михаил Бойко:

«Книга Веллера состоит из развёрнутого очерка «Всеобщей Теории Всего» и нескольких афористичных резюме — для закрепления. В приложении — четыре художественных рассказа, излагающих абсолютно то же самое, только в художественной форме.

Мы выделим три наиболее существенные мысли.

1. Человек стремится к максимуму оптимальных ощущений, как положительных, так и отрицательных.

Иллюстрацией этого тезиса служит «цилиндр Веллера» (который мы так и предлагаем назвать), изображение которого приводится в книге дважды (с. 119, 474). Суть его в том, что ощущения положительные и отрицательные, достигая некоторого предела, смешиваются и даже переходят друг в друга: боль — в наслаждение, горе — в счастье, и наоборот. Отсюда выход на социологию, психологию и эстетику.

2. Стремление к максимуму оптимальных ощущений обуславливает совершение человеком максимальных действий, ибо в человеке больше энергии, чем потребно для простого физического выживания.

3. Предельное Максимальное Действие, к которому направлен вектор человеческой истории, — это уничтожение нынешней Вселенной и зарождение новой Вселенной.

Существование Вселенной от Большого Взрыва и до схлопывания — это и есть энергоэволюция. Просто всё существующее — это энергия, и она эволюционирует.

Цель Истории, таким образом, — уничтожение известной нам Вселенной и порождение новой. (...)

«Человек — логично, целесообразно, необходимо — может являться тем самым этапом существования Вселенной,

посредством которого оформится Её конец и одновременно зародится новая Вселенная. (...)

Если мы не одиноки во вселенной — мы можем совершить своё Максимальное Действие раньше, на более низком уровне, и ограничиться, скажем, уничтожением лишь земной жизни.

Но пока у нас нет достоверных сведений о наличии жизни вне Земли — можно полагать, что мы будем жить. Пока не сможем выполнить Главную Задачу. Ибо все прочие варианты самоуничтожение — как и достижение любых научно-технических успехов — есть промежуточные этапы...» (...)

«Если отграничивать из общей — именно Человеческую историю, — то её целью может оказаться создание сверхквази-существ, энергопреобразующих и эволюционирующих, которые смогут подхватить у биологическо-социального человечества эстафету энергопреобразования — и вывести энергопреобразование Бытия на новые уровни скорости, эффективности и объёмов. Типа материализовывать поля и излучать энергию из вакуума (сейчас и предположить трудно). Но, короче, чтоб способами, нам ещё неизвестными и даже принципиально не представимыми, таки грохнуть нашу Вселенную и засветить Новую» (с. 295).

Ну, хорошо. Мы выяснили цель человечества — уничтожение известной нам Вселенной (Большой Хлопок) и порождение Новой Вселенной. А что будет в Новой Вселенной? Там, в свою очередь, возникнет какая-нибудь форма разумной жизни, цель которой будет состоять уже в уничтожении Новой Вселенной и порождении следующей по счёту. И так до бесконечности.

Абсурд ad infinitum: ... — Большой Взрыв — Большой Хлопок

— Большой Взрыв — Большой Хлопок — Большой Взрыв...».

Последнее высказывание об уходящем в бесконечность абсурде следует отнести на счёт вопиющего невежества господина Бойко в качестве диалектика. В запале своей критики, он смешал категорию смысла с категорией цели, полностью неотделимые друг от друга, пожалуй, лишь в быту.

Ведь то, что непосредственно укоренено в Жизни Вечной не может стремиться к чему-то, чем бы оно не обладало на данный момент, так как оно вечно пребывает во всех своих состояниях сразу. Смыслом же для него выступают всплески энергии на поворотах в ходе самодвижения его частей.

Именно на таком понимании сущности Жизни сходятся столь различные по стилю доказательства и складу ума мыслители, как нацист Альфред Боймлер и православный христианин, старообрядец Тарас Сидаш.

Альфред Боймлер. «Ницше, философ и политик». (Лейпциг, 1931):

«Воля к власти это не воля, которая имеет власть своей целью, которая стремится к власти. Эта воля не направлена на что-то — все эти представления искажают действительность воления. Если там и присутствуют цели, они устанавливаются волей, они находятся у неё на службе и не могут быть ничем внешним по отношению к ней, к чему бы она стремилась. Она сама не стремится к какой-либо цели, она сама является вечным становлением, которое не знает цели. Это становление есть борьба. А что есть соответственно воление? Ницше объясняет: «Воление вообще равнозначно желанию стать сильнее, желанию

роста — и желанию иметь для этого средство». Сила не является целью воли, так как она сама и есть воля. Воля желает только себя: попытка дать этому объяснение ничего не даёт. Но рост можно было бы трактовать как пассивный процесс — и тогда картина мира Ницше была бы соответственно неправильно понята. Рост это не процесс: напротив, под ростом Ницше подразумевает образ действий — он есть ничто иное, как следствие побед. Ницше отвергает каузализм, так как он понимает мир как борьбу, на этом же основании он выступает против телеологии: мнимая целесообразность происходящего является только следствием воли к власти: каждая победа устанавливает новый порядок, «обретение ещё большей силы приносит порядок с собою, который напоминает набросок целесообразности».

У воления нет цели, которая бы лежала вне его — оно вообще ничто само по себе: воля есть только выражение данного общего состояния существующего. В человеке это выглядит так: воление это повеление, а повеление это аффект, и этот аффект является внезапным всплеском энергии. Путь воли отмечен всплесками энергии. То, что мы подразумеваем под волей в более узком смысле, осознанная воля, является только сопутствующим явлением сущности, которая представляет собой истечение энергии. «Воля только сопутствует». Осознанная воля сопутствует подлинной воле, которая всегда имеет перед собой бесконечность и поэтому свободна. И так она свободна, не потому, что ставит сама себе цели, но напротив, потому что у неё нет целей, так как она, будучи доступной для сознания, постоянно уходит в мрак. Это значит не стремиться к цели, это значит : «производить опыт, чтобы узнать, что мы можем; об этом нас

может поставить в известность успех или неудача». Во всех случаях «хотеть» в реальности означает «мочь». Это есть испытание энергии. (...)

Идея цели и воления отправляет нам всю реальность вплоть до повседневных представлений. Всюду мы находим целесообразность в природе — но то, что мы хотим, и то, что мы делаем, это нечто разное. И никакой мост нельзя перебросить от того к этому (...). Имеется только терминологическое, а не фактическое противоречие, когда Ницше иногда совершенно отрицает существование воли, а затем всё же говорит о воле к власти. То, что он отрицает, это осознанная, целеполагающая воля, которая принадлежит к вымышленным сущностям внутреннего мира. Поэтому принцип этого учения гласит: «Здесь достаточно чувств и мышления. Воление как нечто третье это лишь воображение». Воля к власти это не воление (Wollen), но способность (Können), это реально работающее единство, на чьём месте идеализм позволяет действовать сознанию. Ошибка прежних философов заключалась в том, что они приписывали единство сознания тому, что в действительности образует единство энергии, которую Ницше называл волей к власти».

Тарас Сидаш. «Онтологическая психология Плотина». Введение: «Как вообще можно различать живое и неживое во Вселенной? Самое общее и, на мой взгляд, самое точное определение живого, известное уже в античности, гласит, что живым называется то, что имеет в себе источник своего движения и, тем самым, само обуславливает своё движение. На первый взгляд, это чисто феноменологическое определение, основанное на том факте, что камень будет лежать, пока его кто-нибудь не сдвинет, растения

же, а тем более животные — растут и перемещаются самостоятельно. Применяя это определение к наблюдаемым нами живым и неживым существам, мы достаточно быстро убеждаемся, что всякое наблюдаемое живое живым только кажется, ибо то, что видится сначала его «самостью», оказывается, при ближайшем рассмотрении, суммой отношений к иным предметам. В то же время и неживое, когда мы доходим до последних его оснований, оказывается подозрительно самостоятельным и самостоятельным. В этот момент мы начинаем понимать, что наше первичное понятие либо изначально не было феноменологическим, но лишь ошибочно применялось к феноменам, либо это было всё-таки чисто эмпирическое понятие, фальсифицированное дальнейшими наблюдениями. Люди, идущие вторым путём (как показывает опыт развития науки), могут идти им, пока не устанут: конца спорам о живом и неживом нет и не предвидится. Для тех же, кто идёт первым путём, нужно объяснить факт наблюдаемого «оборотничества»; именно этим путём и шли древние. То, что всякое живое живым только кажется, обозначает то, что оно обладает именно кажущейся жизнью; то, что неживое с определённого момента ведёт себя как живое, говорит о том же самом с другой стороны: живое мертвенно, мёртвое живо — таков наблюдаемый нами чувственный мир. Теперь, если абсолютизировать тот факт, что живое лишь кажется живым, мы получим механицизм, если же тот факт, что неживое самоорганизуется, — гилозоизм: то и другое учения могут иметь очень разные формы в зависимости от культур, в которых они возникают. И оба эти кажущиеся противоположными учения имеют то общее, что редуцируют жизнь к неживому, при этом первое — отказываясь и от жизни

как самодвижения, второе — от того, что в чувственном мире такая жизнь не наблюдается. Я хочу сказать, что чтобы мы могли говорить о жизни, не редуцируя её к неживому, мы должны говорить о ней не в эмпирическом смысле слова, т. е. не полагать её в сфере телесных предметов; иными словами, для того, чтобы понять специфику живого тела, мы должны отрицать жизнь как телесный феномен. Если мы хотим избежать вышеупомянутой редукции, то должны сказать, что сама жизнь есть нечто не данное нам в опыте, равно как и живое в собственном смысле слова, однако из этого вовсе не следует, что мы должны как признавать существование только эмпирических понятий, так и называть существующим только чувственное — это следует уже из некой метафизической предпосылки. Значит, дело с жизнью обстоит так же, как, скажем, с равносторонним треугольником, который, конечно же, не дан в опыте, но благодаря понятию о котором мы фиксируем в опыте множество приближающихся к нему фигур. Итак, жизнь и живое с необходимостью есть именно умопостигаемое содержание; наблюдаемое же нами есть бесконечное количество форм и степеней её умаления или подражания неживого живому. Жизнь (это слово называет самодвижение как процесс, душа же — источник самодвижения) божественна в себе, и даже — сам Бог, а потому предельно открыта и явлена во всём, оставаясь, однако, как и свойственно высшей природе, сокрытой в этой своей явленности и вездеприсутствии».

Neil Weller, dir!!!

Марат Зуф. Салихов. 7. 9. 2012 г.

Наиболее ценный для автора отзыв.

Рысинов Владимир. 16 ноя. в 05:01:

Дорогой Марат.

Работа прекрасна, особенно понравилась ссылка на одного из рецензентов, в котором мне привиделся некто знакомый.

Тема изнеживания общества — об-левения и либерализации, что ведёт к его гибели (см.: <http://clck.ru/34k3eT>), на мой взгляд углубляется словами из Ветхого Завета, сообщёнными Богом Адаму — «...в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься».

Слова эти приемлются наказанием за грех и поэтому вызывают сопротивление, которое выражается в борьбе с «потом лица» — механизацией труда и прочими наслоениями цивилизованного отношения к физической работе, как к наказанию.

Я прочёл бы эти строки иначе.

Во первых само «райское детство» Адама с Евой, весьма напоминает обыкновенное детство обычных детей под любым родительским кровом, и вгрызание в плод познания происходит весьма непреложно и тоже обыденно. Се человек. И Дитя, повзрослев, да, оказывается перед необходимостью питаться своими силами, ибо он стал — как родители в их воспроизводящей род, мощи.

Поэтому не было наказания, было напуствие, была констатация факта повзросления и начала действия последствий — коли взрослый, то начинай думать о детях и начинай работать. Это обычный закон сохранения энергии, проснувшейся в повзрослевшем человеке.

И тогда — «В поте лица» — становится не проклятием, но

таким же непреложным требованием. Этот самый «пот лица» не зависит от отношения к нему человека и от эмоций при произнесении. Он необходим как воздух. Пот лица заменяет кровь войн, ухищрения власти, блуждания лукавой и бездельной мысли в поисках способов жить без пота. Любой ребёнок, как Ты совершенно метко заметил, наделён избыточной энергией, и если эту энергию не использовать в деле мирном, она накопит мощь для войн.

Рай взрослого человека — работа именно в поте лица. Так спортсмен, накапливает за время тренировки полные кросовки пота, который выливает по выходе из зала... с гордостью и удовольствием. Так человек, лишённый способностей или возможности гонять мяч на футбольном поле, имеет невероятные возможности виртуозить на шахматной доске. Перед каждым человеком жизнь раскрывает его, индивидуальное поле, и чей урожай будет ценней, не знает никто. Но необходимым станет — это точно.

Марат, Твои произведения настолько углублённы, что напоминают нашупывания Истины невидимой, проснувшимся во тьме человеком.

Возникает у читателя отдалённая ассоциация, которая, промелькнув мгновенно исчезает. Я бы охарактеризовал впечатление от неё образом ангела, величина которого такова, что расстояние между его глазами составляет несколько парсеков. Этот образ мелькнул в книге Леонида Леонова «Пирамида». Возможно ли познание этого ангела, мира из такого нашего положения, когда мы находимся в его середине, между его молекул и атомов? Из себя себя увидеть невозможно. Но именно это сделать Ты, Марат, и стараешься, приоткрывая

закономерности и анализируя возможности.

Что собой представляет горестное «открытие» Ницше — «Бог умер»?

Ницше потерял взгляд посредственности — на Бога, находящегося сбоку, рядом, вне себя... Ницше обнаружил себя в Боге, частью его, в непосредственной среде его взаимодействий, энергий и предположений, атомов и реакторов. И констатировал факт — Бог потерял оболочку, очертания... исчез... он превратился в субстанцию, в знание, которое потребовало совсем иного зрения.

И Ницше претерпел переход, вослед.

Марат, с огромным уважением к твоему творчеству, Владимир Рысинов...

Салихов Марат. 16 ноя. в 20.14:

Дорогой Владимир Алексеевич!

Спасибо Вам за столь лестный отзыв о моём последнем опусе, но я, написав сие, хотел всего лишь вскрыть невероятное убожество наших нынешних критиков, которые не только не в состоянии оценить глубокой диалектики у Михаила Веллера, как впрочем и у Эволы, — они хотели бы вовсе запретить знак Коловрата, на том лишь основании, что под этой эмблемой безчинствовал Гитлер. При том, что Коловрат существует со времён неолита у большинства народов планеты, обозначая круговорот сил природы, и, по этой логике, ежели шеф гестапо носил фамилию Мюллер, что же всем, весьма многочисленным, Мюллерам в Германии и за её пределами надо бежать менять фамилию, скажем, на Штауффенберг? Смех да и только...

С огромным Уважением, Марат Зуф. Салихов.

Рысинов Владимир. 17 ноя. в 07.13:

Да уж, представляю себе.

Марат, я расширяю тему до бесконечности и придаю ей образность. Любая из тем является лишь частью следующей. Всё должно быть закольцовано, хотя бы в умпредставляемой дали.

С уважением, Владимир Рысинов...

Салихов Марат. 17 ноя. в 14.18:

Вот именно, Владимир Алексеевич!

Принцип венка сонетов. Но... НО! «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда...»

Третьего дня госпожа Чудинова разразилась редкой по красочности и степени эмоционального накала публицистикой.

(...) Посему я сегодня же прикрепляю Ваш отзыв в подвале письма моего В. Акунову и даю там ссылку на эту чудиновскую нетлѐнку.

С огромным Уважением, Марат Зуф. Салихов.

